

ственным: «Любовь», а на лице моем отражалось смирение. И когда она собиралась приветствовать меня, дух любви, ниспровергая всех других духов чувств, изгонял ослабевших духов зренья, говоря им: «Идите оказать честь вашей даме», а сам занимал их место. И тот, кто хотел бы познать природу Амора, мог бы легко проникнуть в его сущность, наблюдая содрогание моих очей. Когда же Благороднейшая спасла меня своим спасительным приветствием, Amor не в силах был скрыть завесой нестерпимое блаженство, но приобретал такие свойства, что тело мое, вполне ему подчиненное, двигалось порой как нечто тяжелое и неодушевленное. Отсюда ясно, что в ее приветствии заключалось мое блаженство, переполнявшее меня и превышавшее нередко мою способность восприятия.

ХII.

Возобновляя мое повествование, скажу, что после того, как мне было отказано в блаженстве, меня охватила такая скорбь, что, удалясь от людей, я орошал землю горчайшими слезами. А когда источник слез иссяк, я затворился в своей комнате, где предался жалобам и песням, не боясь быть услышанным кем-либо. Тогда я призвал милосердие Дамы Куртуазии, и, говоря: «Амор, помоги твоему верному», я заснул в слезах, как побитый ребенок. Почти посреди моего сна мне показалось, что в комнате моей рядом со мной сидит юноша, облаченный в белоснежные одежды. Взгляд его был задумчив, и он смотрел туда, где я лежал. И, глядя на меня в продолжение некоторого времени, он, показалось мне, позвал меня и, вздыхая, произнес следующие слова: «*Fili mi, tempus est ut praetermittantur simulacra nostra*». Тогда мне показалось, что мне известно, кто он, ибо он назвал меня так, как часто именовал в моих снах. И когда я смотрел на него, мне показалось, что он плачет жалостно и ожидает, что я заговорю. И, осмелев, я сказал ему: «Владыка благородства, почему плачешь ты?» Он отвечал: «*Ego tamquam centrum circuli, cui simili modo se habent circumferentiae partes; tu autem non sic*». Я раздумывал над его словами, и мне показалось, что говорит он очень непонятно. Заставив себя заговорить, я сказал ему: «Почему, владыка, речи твои столь темны?» Он обратился тогда ко мне на народном языке: «Не спрашивай больше, чем следует». Тогда я заговорил о приветствии, в котором мне было отказано, и стремился узнать причину этого. Он ответил мне так: «Наша Беатриче услышала от некоторых лиц, о тебе говоривших, что ты досаждаешь даме, имя которой я назвал тебе на пути воздыханий. Благороднейшая, будучи противницей всего недостойного, не удостоила твою особу приветствия, опасаясь, что ты принадлежишь к числу недостойных людей. И так как на самом деле твоя тайна отчасти ей известна – по длительности опыта, – я желаю, чтобы ты сложил рифмованные строки, в которых была бы показана та власть, которую приобрел я над тобой по ее милости. Ты скажешь ей о том, что был ей верен с детских лет. Призови в свидетели знающих об этом, которых ты просишь заверить ее в правдивости твоих слов, и я, будучи твоим свидетелем, с радостью обращусь к ней. Тогда она почувствует твою любовь и узнает цену слов тех, кто на тебя клеветет. Сложи слова так, чтобы они изъяснили ей твои мысли, но не обращай к ней прямо, что не приличествует, и не посылай их туда, где они могли бы прозвучать в мое отсутствие, но укрась их сладостной гармонией, в которой я появлюсь каждый раз, когда необходимо». Сказав эти слова, он исчез, и сон мой прервался. Вспоминая, я понял, что видение это предстало мне в девятый час дня. И, не покидая своей комнаты, я решился сочинить баллату, следуя советам моего владыки. Тогда я написал следующие строки, начинающиеся: «Баллата, ты любви отыщешь Бога...»

Баллата, ты любви отыщешь Бога,
 С Амором вместе к даме ты пойдешь,
 Ты оправдание мое поешь, –
 Открыта вам заветная дорога.
 5 Столь благороден твой легчайший путь,
 Что даже без защиты
 Могла б идти уверенно одна,
 Но, чтоб с дороги правой не свернуть,